

ЕЛЕНА В. ЛИТОВЧЕНКО¹
НИУ БЕЛГУ
Россия

СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ.
ПОСЛАНИЕ ТУРНУ.
(вступ. статья, пер. с лат. и коммент.
Е.В. Литовченко)

АННОТАЦИЯ. Данное исследование содержит вступительную статью, перевод одного из посланий галло-римского аристократа и епископа Сидония Аполлинария и комментарии к нему. Автор анализирует сложившуюся в V в. н.э., накануне падения Западной Римской империи, ситуацию на ее территории, делая акцент на духовной составляющей, связывая изменения в сознании интеллектуальной элиты позднеримского общества с укреплением позиций христианства. В качестве одной из важнейших тенденций позднеантичной эпохи рассматривается стремление сенаторской аристократии принимать духовный сан и исполнять обязанности пастыря. Стимулами для развития данной тенденции автор считает широкое распространение христианства на всей территории Римской империи, нивелирование роли сената, ослабление центральной власти в провинциях. В статье также дана краткая характеристика письменного наследия Сидония Аполлинария, которое включает поэтические произведения и коллекцию посланий, адресованных друзьям, знакомым и коллегам Сидония по духовному сану. В заключительной части работы приведен перевод двадцать четвертого письма четвертой книги, обращенного к знакомцу автора – Турну и даны комментарии к тексту.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: позднеантичная эпоха, Сидоний Аполлинарий, письма, перевод.

---

¹ litovchenko@bsu.edu.ru

Рад је примљен 15. децембра 2015, а прихваћен за објављивање на састанку Редакције Зборника одржаном 22. августа 2016.

Гай Солий Модест Сидоний Аполлинарий (ок. 430–ок. 486 гг.) – весьма значимая фигура позднеантичного общества Галлии² [1]. Будучи талантливым литератором, он оставил нам богатое письменное наследие в виде разного рода поэтических произведений и девяти книг писем, содержание которых позволяет историкам судить об обстановке в Западной Римской империи в последнем столетии ее существования.

Позднеантичная эпоха является периодом достаточно трудным для изучения, поскольку она аккумулировала в себе черты двух цивилизаций – античной и средневековой, находившиеся в данный отрезок времени в сложном взаимодействии. По этой причине, в свое время (70-х гг. XX в.), сформировалась отдельная историческая концепция, получившая в западной историографии название «Late Antiquity» или «Postclassical World» (Brown, 1971) и активно развивающаяся на сегодняшний день как в зарубежной, так и в отечественной науке (Brown P. Late Antiquity. (1998); Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150-750. (1989); Cameron Av. The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-600 (1993); Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье 400-1000. (рус. пер. 2002); Болгов Н.Н. Поздняя античность: история и культура. (2009); Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (1989)).

Одним из важнейших маркеров интересующей нас эпохи была отчетливо проявлявшаяся тенденция сенаторской аристократии принимать духовный сан и исполнять обязанности духовного пастыря. Стимулом для развития данной тенденции, безусловно, служило широкое распространение христианства на всей территории Римской империи, тем более, что к V в. этот процесс заметно ускорился.

Общеизвестно, что в последние столетия римской истории, сенат уже не играл той роли, что принадлежала ему несколькими веками ранее, в силу известной «абсолютизации» власти импе-

² Гай Солий Модест Аполлинарий Сидоний (430-486 гг.) – латинский писатель из Галлии (Лугдун, совр. Лион), представитель высшей провинциальной знати, зять императора Авиты, префект Рима. Получил прекрасное образование в Лугдунской риторической школе. С 461 г. жил в своем поместье Авитак. С 470 г. – епископ Клермона; в этом качестве возглавлял оборону города от вестготов. В 471-476 гг. – в ссылке в Испании, затем – снова епископ (Болгов, 1998, с. 39). От Сидония сохранилась книга стихов (24 стихотворения) и девять книг писем.

ратора, поэтому играть значимую роль в делах Империи (или, скорее, ее отдельных провинций) можно было только, имея сан священника, в обязанности которого, на фоне ослабления центральной власти в провинциях, входила и масса светских задач, связанных с функционированием хозяйства или организацией обороны от варваров. Известно немало примеров подобного рода деятельности в этот период и позднее (Паулин в Ноле, Северин в Норике, Сидоний в Клермоне, Авит во Вьенне, Руриций в Лиможе). Каждый из них прошел свой путь от язычества к христианству: одни попытались полностью отказаться от классических традиций античности, пережив так называемый «кризис идентичности» («*psychomachia*» по выражению Пруденция (Prud. Psych.)), выразившийся в полном разрыве со старыми ценностями и принятие всей душой новых, христианских; другие пытались (не всегда сознательно) примирить в сознании и на страницах своих произведений разнонаправленные элементы.

Еще одним немаловажным показателем эпохи было стремление представителей слоя образованной элиты к самовыражению через литературное творчество: люди, получившие риторическое образование, имевшее ярко выраженную правовую и литературную направленность, должны были проявлять свои навыки, так или иначе. Наилучшим способом для этого считались занятия поэзией, но, если для этого не было достаточного таланта, то хотя бы обмениваться письмами, стиль и содержание которых также вполне регулировалось риторическими канонами.

Эпистолярный жанр сложился еще в Древней Греции и в разные периоды римской истории также пользовался большой популярностью. Писание писем подчинялось четким стилистическим нормам, разработанным риторикой. Широкое распространение эпистолярной практики в середине IV в. связано с деятельностью риторской школы Либания. Здесь письмо становится одной из самых излюбленных художественных форм и служит как бы мерилем литературного таланта его автора (Lib. Epist.).

В подлинную переписку проникают штампы риторики, складывается сходство приемов, идей, формул. Общим местом писем становятся сентенции, известные формулы, чаще всего цитаты древних авторов (Гомера, Пиндара), помещаемые в начале посланий. Позднеантичные письма (Симмах, Сидоний и др.) перетрянут мифологическими образами и общими мыслями типа «у

друзей все общее», «достигшие власти забывают друзей» и т.д. (Грабарь-Пассек, 1967, с. 22).

Теория эпистолярного стиля этой эпохи изложена в письме христианского писателя Григория Назианзина. Исходя из традиционных требований ясности, краткости, общепонятности эпистолярного стиля Григорий подчеркивает критерий соразмерности, а также обращает особое внимание на «очарование письма», понимая под этим определением, что любое письмо должно быть интересным: «Мы сохраним его <очарование *ἵψισμα*>, если не будем писать совсем сухо и тяжеловесно или безыскусно, нестройно, неряшливо, а это случается, когда мы пишем без предложений, пословиц, изречений, без шуток и намеков, делающих речь более приятной, - и если не будем также злоупотреблять этим» (Greg. Naz. Epist. ad Nicobulum, 51-259).

Памятники литературы, подобные письмам, несмотря на специфику их творчества, представляют особую ценность для историковедения, поскольку в них мы находим богатый материал для знакомства с событиями того времени и, кроме того, можем получить представление о той картине мира, которая была присуща их авторам – представителям образованного слоя позднеантичного общества.

Сидоний происходил из сенаторской семьи, прочно обосновавшейся в Галлии, семьи, в которой, как говорил он сам, право на исполнение высших государственных должностей практически передавалось по наследству: его дед и его отец, оба, были префектами Галлии – отец занимал высокий государственный пост при Гонории и был префектом Галлии при Валентиниане III в 448-449 гг. (V. 9, 2); дед, первым из членов семьи принявший христианство (III. 12), был префектом Галлии во времена узурпатора Константина. Мать Сидония принадлежала к клану Авита, который был связан с другими аристократическими провинциальными семьями – Фереоли, Омации и Агреции; следовательно, когда он женился на Папианилле – дочери Авита, который позже стал императором, он мог лишь добавить новую связь в старый альянс (Sidonius, 2003, pp. xi-clv). Когда в 456 г. Авит стал консулом Сидоний Аполлинарий написал в честь этого события панегирик небывалых размеров (более 600 гекзаметров; Carm. VI-VII). Весь Олимп стал свидетелем этого знаменательного события, и Феб, и голодная волчица с окровавленной пастью и т.д. Основная мысль произведения заключается в том, что Галлия, до сих пор принужденная разделять участь Рима и негодующая на свою зависи-

мость, умоляет Авита дать ей новую жизнь, осуществив ее давнюю мечту. Панегирик упрочил литературную репутацию Сидония: статуя поэта была воздвигнута в портике Траяна, ведущем в библиотеку (Ешевский, 1870, с. 158-159) (Carm. VIII).

Через полтора года Авит был свергнут с престола, и Сидоний Аполлинарий должен был вернуться в Галлию, где принял деятельное участие в возмущении провинции против нового императора, Майориана. В 458 г. Сидонию удалось получить прощение Майориана, и в благодарность за это он сложил панегирик и в честь нового императора, таких же размеров, как и в честь своего тестя (Carm. IV-V, Epist. I. 11). В этом стихотворении, выполненном, в общем, гораздо лучше предыдущего, Сидоний Аполлинарий искусно обходит всякий намек на участь Авита и доходит до геркулесовых столбов лести; произнося панегирик в Лионе, очаге восстания и наиболее пострадавшем от императорских войск, Сидоний Аполлинарий восклицает: «Нам нравятся самые наши развалины, так как мы были причиной вашего триумфа» (Carm. IV-V). В любопытном предисловии Сидоний Аполлинарий оправдывает перемену своих убеждений примерами двух знаменитых писателей древности: Вергилия и Горация. Когда в 461 г. Майориан был убит, у Сидония не нашлось ни одной строчки, чтобы почтить его кончину; зато он умел поладить с одним из ближайших преемников Майориана, Антемием, которому в 468 г. держал похвальное слово, также в стихах, такого же объема и также по случаю второго его консульства (Carm. I-II). Панегирик Антемию по выполнению стоит гораздо ниже двух предшествующих; тем не менее, Сидоний Аполлинарий получил за него должность префекта столицы (*praefectus urbi*) и титул патриция: «Любезный Соллий, - сказал мне мой патрон, - хотя ты обременен занятиями по порученным тебе делам, но мне хотелось, чтобы, в угоду новому консулу, ты вызвал свою старую музу, пусть она, хотя наскоро, продиктует тебе поздравительное стихотворение. Я со своей стороны постарался бы устроить принятие и произнесение панегирика и подготовить успех его. Если ты веришь моей опытности, эта безделица может сильно подвинуть вперед и твое дело. Я повиновался; Василий не оставил стихов моих своей благосклонностью, и, ручаясь за мою преданность, он так обошел моего консула, что тот сделал меня префектом своего сената» (Sid. Epist. I. IX, 1).

Как представитель самого высшего галло-римского социального слоя Сидоний был всегда в центре главных политических

событий в Галлии в последней декаде формального существования Западной империи.

На долю Сидония выпала сложная роль представителя переходной эпохи, когда мир стремительно менялся: на смену монолитной и стабильной политической системе римской государственности приходили разрозненные и политически обособленные варварские королевства, которые, постоянно враждуя между собой, вели римский мир и античную культуру к постоянному ослаблению. Происходил распад прежде единого мира, сопровождающийся усилением раздирающих его противоречий и военных конфликтов.

С ранних лет Сидоний был связан с группой патриотически настроенных галло-римских аристократов, которые хотели видеть Галлию главной политической силой в Западной империи при помощи готских *foederati*. В то время, когда готы были полезны галло-римлянам в качестве союзников-федератов, Сидонию (если отдавать приоритет политической направленности его деятельности) было выгодно закрывать глаза или даже оправдывать недостатки варваров (в качестве таковых, в первую очередь, упоминается их принадлежность к арианской ереси). Когда же готы из союзников превратились в завоевателей, Сидоний, как истинный патриот, резко меняет свои взгляды, и из лагеря сторонников варваров переходит в лагерь их ярых противников, возглавляя оборону родной земли от агрессоров.

Эти события имели место, когда готский король Эйрих (466-484 гг.) разорвал союзный договор и начал завоевание принадлежащих империи территорий в Галлии. Несмотря на героически возглавляемую Сидонием защиту Клермона от готской осады, в 475 г. император Юлий Непот сдает остаток территорий Галлии, включая Клермон, Эйриху. Многие знатные галло-римляне, которые хоть однажды бывали в столице Галлии Арле, теперь добивались покровительства Эйриха при готском дворе. Сидония же, оказавшего открытое сопротивление, король готов отправил в ссылку в крепость Ливию, около испанской границы. Тяжелое положение свое в изгнании Сидоний Аполлинарий изобразил в небольшом стихотворении (*Carm.* XII), обращенном к другу его Катуллину.

Истинное отношение рафинированного интеллектуала Аполлинария Сидония к варварскому миру (если на некоторое время отрешиться от политических проблем) было, несомненно, высокомерным и пренебрежительным, хотя он принужден был тер-

петь их присутствие. «Это будет таким же странным на самом деле, как для человека из этих мест, где плохо приготовленная пища и слишком много лука составляют единственную еду, обнаружить себя благородным гостем, всю жизнь едавшим на банкетах Апициана, обслуживаемых по византийским обычаям» (IV. 7, 2), - пишет Сидоний, имея в виду человека варварского происхождения. В стихотворном послании Катуллину Сидоний сетует на неспособность, живя «среди полчищ волосатых», воспевать Венеру, - под властью германцев утонченному поэту приходилось терпеть их варварскую грубость и невоспитанность, против воли похваливать песни «обожавшихся бургундов», хотя эти «семистопные патроны» вели себя по отношению к нему весьма добродушно (Sid. Carm., 12).

Благодаря Сидонию мы располагаем чрезвычайно подробным описанием двора и распорядка дня Теодориха II, единственного в своем роде для данного периода. По просьбе своего друга Агриколы, сына императора Авита, в первом и втором письмах Сидоний рассказал о внешности и характере Теодориха II и жизни тулузского двора. Но, поскольку произведения эти должны были служить для укрепления выгодных отношений с варварами в то время, то описание это носило панегирический характер, а арианство Теодориха было представлено в самом выгодном свете. Так, Сидоний пишет «Перед сном он <Теодорих II> шел с очень маленькой свитой на встречу со своими священниками (*sacerdotum suorum coetus*) и он пребывал в церкви с великой серьезностью и почтением, хотя (между нами), кто-нибудь мог бы усмотреть, что его молитва является больше рутинной обязанностью, чем убеждением» (Sid. Epist. I, 2, 4).

Возвращению Сидония из изгнания способствовала опять стихотворная похвала, сложенная им в честь главного его врага, Эйриха. Вернувшись в Клермон, Сидоний Аполлинарий посвятил себя преимущественно пастырским обязанностям, вскоре прекращенным его смертью (ок. 486 г.).

В 476 г. германцами был низложен последний западноримский император, однако в корреспонденции Сидония нет никаких упоминаний о таком эпохальном событии. Этот примечательный факт весьма показателен, на наш взгляд, поскольку с максимальной долей вероятности говорит о том, что галло-римские патриоты уже не связывали в своем сознании надежду на возможное возрождение Отечества именно с Римом, для них

важна была их собственная провинция, до размеров которой сузилась античная Ойкумена, окруженная океаном варварства.

По свидетельствам предшественников и современников Сидония, жизнь римлян этой эпохи характеризовалась не только тяжелым экономическим положением, засильем варваров, произволом чиновников, но и общим падением нравов.

Но как бы ни обстояло дело с низшими слоями населения, каковы бы ни были неудачи экономического развития, оказавшиеся роковыми в исторической перспективе, аристократия сохраняла уверенность и продолжала вести традиционный для римского нобилитета образ жизни. В текстах Сидония представлена почти диаметрально противоположная картина жизни позднего Рима.

В письмах Сидония верхушка римского общества в большинстве своем получает исключительно положительную характеристику, он ценит этих людей за знатность рода и заслуги предков, за опыт и благосостояние, за высокий уровень образованности: «Конечно, сенат представляет много имен, известных огромными богатствами, знатного рода, почтенных по летам, опытных в деле совета, высокопоставленных по званию и равных по общественному положению...» (Sid. Epist. I. 1, 9).

Картину жизни римского общества V в., представленную Сидонием, отличает, в целом, атмосфера спокойствия и благополучия, «...во время моего приезда праздновалась свадьба патриция Рицимера с дочерью Августа <Анѣмия>, соединенных ввиду общественного спокойствия. Среди всеобщей радости не только всех сословий, но и всех партий, я завидую тихому спокойствию, которым вы наслаждаетесь за Альпами...» (Ibid. 5).

Действительность в интерпретации Сидония и других позднеантичных авторов получает «некий эталонный, вневременной характер» (Шкаренков, 2004, с. 22), великие примеры прошлого заслоняют настоящее. Так, например, при виде Мантуи Сидоний вспоминает мятеж великого Цезаря, при виде Фано – смерть Гасдрубала (I. 5, 3), тогда как тот же Сальвиан при виде любого города замечает лишь грязь и пороки (Salv. VI, 13-15).

Сидоний постоянно находит в прошлом достойные примеры для сравнения и подражания. Поздравляя женившегося друга Гесперия, желает, чтобы супруга помогала ему в литературных занятиях, «как Марция помогала Гортензию, Теренция – Туллию, Кальпурния – Плинию, Пудентилла – Апулею, Рустициана – Симмаху» (Sid. II. 10, 5).

Несмотря на то, что Сидоний родился в христианской семье и закончил свою жизнь в сане епископа Клермон-Феррана, его поэзия и проза, благодаря языческим мотивам, гораздо ближе к произведениям Клавдиана и Симмаха Старшего, чем к творениям Амвросия Медиоланского и Августина Блаженного. Именно поэтому Сидония причисляют к «последним римлянам» наряду с Авзонием, Кассиодором, Боэцием.

На основании анализа творчества Сидония можно резюмировать, что в его сознании господствовал пассивно-эkleктический способ взаимодействия классического (языческого) наследия и христианского миропонимания, который заключался в мирном сочетании противоположных элементов, использовании их лишь в качестве строительного материала для собственного самовыражения (основоположником данной модели можно считать Авзония и других латинских светских поэтов – «формальных» христиан, опиравшихся на античную культуру). Хотя сам Сидоний был глубоко убежден в своей искренней вере во Христа (и у нас нет причин сомневаться в этом), стереотипы речи, поведения, образа жизни в целом, соответствующие классическому прошлому, настолько крепко укоренились в сознании автора, что ими буквально пронизаны произведения галло-римского литератора (это, в первую очередь, стихи Сидония и «доепископские» письма (до 470 г.), хотя и более поздние не вполне свободны от риторических штампов и мифологических образов).

Ситуация с переводом письменного наследия Сидония на русский язык в отечественной науке на сегодняшний день не совсем благоприятная: переведена лишь малая часть его сочинений: несколько стихотворений и письма: IV.11; V.12; V.17; VIII.6 (пер. с лат. Ф.А. Петровского); I.5; I.8; I.9; II.2; III.13; V.17; VII.9; VIII.3 (пер. с лат. М.М. Стасюлевича); II.5; III.9; IV.25; V.1; VI.2; VI.3; VI.4; VI.8; VI.10; VI.12; VII.5; VII.6; VII.9; VII.15 (пер. с лат. Н.Н. Трухиной); I.1; I.4; II.8; IV.5; IV.12 (пер. с лат. Е.В. Литовченко); VI.1 (пер. с лат. Э.Д. Манукяна). Очевидно, что из почти ста пятидесяти писем, большая часть доступна только на языке оригинала (латинском), либо в английском переводе, который не всегда свободен от неточностей.

Интерпретация сочинений эпистолярного жанра является отдельной обширной темой для исследователя, отметим здесь лишь то, что, на наш взгляд, в качестве наиболее релевантного метода целесообразно применять герменевтический метод или метод интерпретации, обоснованный Вильгельмом Дильтейем

(Dilthey, 1928-1979), сущность которого - в приемах толкования текстов, основой которых является включение текстовой информации в более широкий контекст знаний с интерпретацией, т. е. «переводом», с добавлением дополнительных значений, зафиксированных в тексте (поиски скрытого смысла). Сам текст представляется как проблема, где есть нечто известное и нечто неизвестное, требующее своего истолкования. Разумеется, этот поиск осуществим только при наличии у субъекта более или менее осознанной схемы, модели реальности (универсального интерпретатора), который и служит для перевода (Дружинин, 2000, с. 234]. Проникновение в глубинный, внутренний смысл, вскрытие подсознательного становится основной целью герменевтики – «понимать автора лучше, чем он понимает сам себя» (Schleiermacher, 1864).

Говоря непосредственно о содержании представленного ниже варианта перевода послания Сидония (IV. 24) (Sidonius Apollinaris, 1970), написанного между 461 и 467 гг., хотелось бы отметить, что речь в нем идет о хлопотах автора в отношении его давних знакомых – Турпиона³, занявшего определенную денежную сумму в прошлом у еще одного друга Сидония – Максима⁴, который на момент создания письма исполнял обязанности священника в Лерине. Фигура Максима в данном документе весьма показательна, поскольку являет собой еще один образец обращения в христианство с последующим принятием духовного сана. Речь идет о глубоких изменениях в сознании Максима, которые отразились в его внешнем виде, поведении, окружающей домашней обстановке, одежде, пище. Помимо указанных сведений источник содержит информацию об условиях займов в Поздней Римской империи, который в данном конкретном случае давался под 12% годовых. Примечательно, что эти цифры коррелируют с процентными ставками по банковскому кредиту в современной России, разница лишь в том, что, обладая необходимыми связями в Римской империи, можно было добиться некоторого снисхождения по условиям выплаты кредитов.

³ Турпион (Turpio) – *vir tribunicius*, возможно, служил секретарем. Друг Сидония, отец Турна. Кроме него имел еще одного сына и дочь. Дети являлись сонаследниками Турпиона (Martindale, 1980, p. 395–527)

⁴ Максим (Maximus) – бывший служащий императорского двора (*palatinus*), был посвящен в духовный сан, хотя и не имел на это большого желания. Максим являлся старым приятелем Сидония. Его имение располагалось где-то между Клермоном и Тулузой (Martindale, 1980, p. 746).

Далее следует текст письма:

«Сидоний приветствует своего Турна⁵

Строки Мантуанца⁶ замечательно соответствуют твоему имени и делам твоим:

Турн, по воле своей быстротечное время дарует

То, что тебе обещать не дерзнул бы никто из бессмертных (Verg. Aen., IX, 6–7)

Помнишь, давно еще, твой отец Турпион (тогда он был в звании трибуна) искал и затем получил заем у Максима, служащего императорского двора, который не устанавливал ограничений и не давал никаких гарантий касательно денег и земли; существует только один документ, по которому кредитор может получить свои 12%. Этот процент выплачивался на протяжении десяти лет и удвоил изначальную сумму.

Когда твой отец был при смерти, общественность надавила на него, требуя выплаты по займу; судебные приставы обращались с ним невыносимо грубо. В то время я выезжал в Тулузу и он в отчаянии написал, умоляя меня попросить его кредитора по крайней мере о короткой отсрочке. Несомненно, я пообещал сделать все, что в моих силах, т.к. <мы> с Максимом больше чем просто знакомые и связаны давними узами гостеприимства. Я отклонился от пути следования, чтобы нанести ему визит, несмотря на то, что его поместье находится вдалеке от столбовой дороги.

Он лично встретил меня. Но как изменилась его походка, от былой выправки не осталось и следа; а как изменился его голос! Его одежда, походка, смиренность; его бледность, манера речи – все выдавало в нем священника. Волосы его были коротко подстрижены, а борода длинна; в доме были простые треножные стулья, а вход вместо двери прикрывала грубая власяница; кровати – жесткие, столы – голые. Его угощение больше состояло из фруктов, чем мяса и напоминало вегетарианское; а, если появлялось блюдо побогаче, то оно предназначалось гостям, а не ему самому.

Когда мы встали из-за стола, я тихонько спросил у своих соседей, к какому из трех духовных подразделений он принадлежит,

⁵ Знакомый Сидония. Поэт дружил с его отцом Турпионом, который будучи при смерти, просил Сидония уладить дело об уменьшении выплат по кредиту, взятому в свое время у Леринского аббата Максима (Леринское аббатство - католический монастырь на острове Сент-Онора (Леринские острова) у побережья Канн (совр. Франция). Основан в Галлии в 410 г.)

⁶ Им. в виду «мантуанский поэт» - Вергилий.

монах ли он, клирик или кающийся грешник? Мне сказали, что он пользовался такой славой у сограждан, что они практически навязали ему должность священника. День клонился к закату и, пока слуги и клиенты загоняли скотину в стойла, я попросил его о личной аудиенции, на что он сразу же согласился. Я начал с поздравлений с новой должностью, чего он никак не ожидал, но очень скоро перешел к возложенному на меня поручению.

Я представил мольбу нашего общего друга Турпиона; я донес до него сведения обо всех тяготах и лишениях просителя; я говорил о том, как тяжело будет его друзьям провожать в последний путь Турпиона, обремененного долгом. Я воззвал к нашей старой дружбе и его нынешнему сану, я умолял его, по крайней мере, предоставить отсрочку, тем самым урезонив варварскую назойливость сборщиков долгов, которые лаяли подобно собакам у смертного ложа. Я просил его: дать наследникам годовую отсрочку для погашения долга в случае смерти Турпиона, а если он поправится, на что мы все надеемся, дать ему время, чтобы он оправился после такой изматывающей болезни.

Не успел я договорить, как эта милостивая душа прослезилась, проникшись опасностью угрожавшей должнику и сдерживая слезы сказал: «Это был бы не я, клирик, если бы я потребовал от больного человека то, что я едва ли мог заставить себя просить у здорового. Но я так тронут, что в случае смерти Турпиона, я не буду требовать с его детей ни пенни более изначального долга. Напишите им, пребывающим в тревоге, вложив письмо от меня с подтверждением полного доверия тебе. Убеди их, что каков бы ни был исход болезни нашего брата (пусть он будет счастливым!), я даю им целый год отсрочки; я также прощаю им проценты, что составляет половину долга и буду доволен просто возвратом займа». Услышав это, я благодарил Бога, а затем хозяина, давшего мне кров, который так уважал свое доброе имя и чистую совесть; я заверил моего друга, что это доброе дело войдет в сокровищницу его деяний и он, несомненно, заслуживает царства небесного тем, что отказался от заключения сделки здесь, на земле. И сейчас остается использовать малейшую возможность для выплаты капитала и отблагодарить его от имени ваших младших брата и сестры, которые по причине их возраста не знают ничего о своем счастье. Если ты скажешь: «Я только сонаследник; поместье еще не поделено; известно, что для меня обстоятельства сложились хуже, чем для брата и сестры; они все еще несовершеннолетние; для нее надо найти мужа, опекуна для не-

го и назначить поручителя», - это не извинит тебя. Такие вещи иногда говорят кредиторам, при чем самым скверным. Вам же очень повезло иметь дело с человеком, который готов простить половину долга, когда он мог бы востребовать весь. Не заставляйте его ждать; он будет прав, если потребует еще раз в негодовании все, что простила его снисходительность. Прощай».

-
- ЛИТЕРАТУРА Болгов Н.Н. (1998). Античные письменные источники: Рим. Белгород: Учебное пособие.
- Brown P. (1971). *The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad (AD 150-750)*. London, 1971. - 216 p.
- Грабарь-Пассек, М. Е. (Отв. ред.) (1967). *Античная эпистолография*. М.: Наука.
- Ешевский С.В. (1870). Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века (Соч. Т. 3.) М.
- Шкаренков П.П. (2004). Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью. *Новый исторический вестник*, № 2 (11), с. 5-35.
- Dilthey W. (1928-1979). *Gesammelte Schriften*. - Bd. 5. Leipzig.
- Дружинин В.Н. (2000). *Экспериментальная психология*. - СПб: Питер.
- Schleiermacher F. (1864). *Psychologie*. - George.
- Sidonius Apollinaris. (1970). *Epistolae et carmina*, V.1-2. L.: Loeb Classical Library.
- Sidonius Apollinaris (2003). *The Letters of Sidonius* (O. M. Dalton, trans. with intr. and notes). Oxford: Online ed. by Roger Pearse, 2003. http://www.ccel.org/p/pearse/morefathers/sidonius_letters_00_4_biblio/.
- Martindale J. R. (1980). *The Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE)*. Vol. II. A.D. - Cambridge.
- Verg. Aen. (1979). Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида (пер. с лат. Ошерова С. А.). Москва.

ELENA V. LITOVCHENKO

DEPARTMENT OF WORLD HISTORY AND AREA STUDIES
BELSU, RUSSIA

SUMMARY

SIDONIUS APOLLINARIS.

THE LETTER TO HIS FRIEND TURNUS.

(INTROD. ARTICLE, TRANSL. AND COMMENT. E.V. LITOVCHENKO)

This research contains the introductory article, translation and commentary on one of the letters of Gallo-Roman nobleman and bishop Sidonius Apollinaris. The author analyzes the situation in the Roman world in the 5 AD, on the eve of the fall of the Western Roman Empire, focusing on the spiritual component. The author links the changes in the minds of the intellectual elite of the Late Roman society with the strengthening of Christianity. As one of the most important tendency of the Late Antiquity's considered the senatorial aristocracy striving to take holy orders, and act as a pastor. The wide spread of Christianity throughout the Roman Empire, the decline of the role of the senate, the weakening of the central government in the provinces are dealt as an incentives for the development of the mentioned trend. In the article is also characterized the written heritage of Sidonius Apollinaris, which includes poetry and a collection of letters addressed to his friends, acquaintances and colleagues - priests and bishops. The final part of this work is devoted to a translation of the twenty-fourth letter of the fourth book, addressed to Turnus, an acquaintance of Sidonius and to commentary on the text.

KEY WORDS: Late Antiquity, Sidonius Apollinaris, letters, translation.